

РЕЦЕНЗИИ

Прот. Павел Хондзинский

О КНИГЕ ЮРИСА ДОВЕЙКО «ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В БОГОСЛОВИИ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА: КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ» (ЛАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2011)¹

В отличие от русской религиозной философии русское богословие XIX в. не избаловано вниманием отечественных исследователей, не говоря уже о зарубежных. По пальцам можно перечесть серьезные монографии, посвященные изучению наследия крупнейшего богослова Синодальной эпохи, святителя Филарета Московского; об остальных и говорить нечего. Особенно же «не везло» в этом отношении, пожалуй, именно святителю Игнатию (Брянчанинову). Кажется, о его богословии у нас не написано по сей день ни одной работы, в которой присутствовала бы не только дескрипция, но и аналитика. Тем больший интерес должен вызывать труд зарубежного ученого, посвященный именно «критическому осмыслению» наследия святителя Игнатия (Брянчанинова). Нельзя не признать, что в этом существует настоятельная необходимость: свои воззрения святитель высказывал в достаточно резкой и своеобразной манере, и правильное их понимание, конечно, нуждается именно в такого рода работе.

Монография Довейко состоит из двух основных частей. Если первая, согласно замыслу автора, должна описывать «Опыт трансформации человека по Брянчанинову», то вторая озаглавлена «Бо-

¹ Ссылки на это издание даны в тексте рецензии с указанием страниц в скобках после цитаты.

гословская дискуссия» и ставит своей целью изложить служащую фоном к «аналитически-критическому осмыслению» доктрины святителя «философско-богословскую дискуссию в пределах православной традиции» (с. 25).

Действительно, следует признать, что Ю. Довейко представил одну из немногих пока попыток систематического изложения богословских взглядов святителя, сделав стержнем ее мысль о духовном преображении или – в терминологии автора – «онтологической трансформации» человека. Изложение показывает, что автор внимательно изучил все доступные ему тексты святителя и дал достаточно подробное, емкое и по большей части корректное изложение его идей, что вполне подтверждает заявленный в начале книги «академический интерес» (с. 15). Можно согласиться с автором там, где он обнаруживает неожиданно, казалось бы, проступающие в антропологии святителя августирианские черты. Есть, безусловно, проблема и в том, что написанное прежде всего для достаточно узкого круга монашествующих, наследие святителя сегодня зачастую становится достоянием неопитов, с удовольствием готовых обратить ригоризм святителя на всех, кроме себя.

Все сказанное, впрочем, относится к дескриптивному уровню работы, однако стоит нам перейти с него на **концептуальный** – важнейший в академическом исследовании – как мы с огорчением будем поражены легковесностью, если не безосновательностью сделанных выводов. Судите сами.

Оценивая наследие святителя, Ю. Довейко исходит из принципиального противопоставления «иудео-христианского откровения» и «эллинизма», особенно в форме «платонического спиритуализма». Последний непоправимо исказил первый, наглядным примером чего и является исихазм, как разновидность духовной практики, ничем принципиально не отличающаяся от других подобных, например йоги, и ведущая к элитаризму, эксклюзивизму, пессимизму, кастовым различиям между христианами, а в результате – к отступлению «традиционной ПЦ [Так в тексте. – *Прот. П.*] от принципа «всеобщего священства» и, тем самым, – от харизматического характера церкви, с утверждением принципа глубокой профанации церковного народа» (с. 87). Все эти перечисленные выше качества и олицетворяет в себе и своем творчестве святитель Игнатий, счи-

тающий себя при этом точным выразителем учения Святых Отцов и благодаря этому способствующий возбуждению «религиозной паники» (с. 146) и становлению у православных «сектантского сознания» (с. 131). Объяснить же его позицию позволяют: а) «понимание особенностей становления» его личности и б) понимание того, что «становление литературных трудов» святителя происходило «в условиях секуляризации и внутренней деградации церкви» (с. 166).

При этом от своего труда Ю. Довейко видит не только академическую, но и вполне практическую пользу. Ведь «критическое и аналитическое осмысление доктрины Брянчанинова способствует либерализации сознания тех, кто стали жертвами сектантского и эксклюзивного мышления, с учетом того, что многие современные искатели мистического опыта не в состоянии самостоятельно вникнуть в церковно-политический контекст восточного аскетизма и оценить его эллинистические корни» (с. 166).

Прежде чем поблагодарить автора за разоблаченную им «империалистическую интригу исихастов»², резонно спросить, на каких источниках и какой литературе строит он свои выводы?

Проверяет ли он точность (или неточность) изложения святителем Игнатием святоотеческого наследия? Нет. В работе отсутствует даже упоминание, например, любимого брянчаниновского отца — преподобного Макария Великого.

Постулируя подмену православной традиции «иудео-христианского откровения» платонизированным эллинизмом, доказывает ли автор этот факт? Нет. И, с одной стороны, правильно поступает, ибо, строго говоря, такие постулаты не доказуемы, а лишь принимаемы на веру, но, с другой стороны, если они берутся как предпосылка исследования, то это, безусловно, указывает на конечные «не-академические» интересы автора.

Исследует ли он становление личности святителя? Нет, если не считать единственного фрейдистски ангажированного намека на то, что отношения с отцом послужили для святителя моделью отношений с Богом.

² Это не шутка: «в контексте византийско-русского имперского мышления исихазм уже не желает оставаться маргинальным явлением монашеской духовности, но стремительно *выходит* и распространяется за стенами монастырей» (с. 25)

Доказывает ли, что Русская церковь была во времена святителя в «состоянии внутренней деградации»? Нет. В списке литературы читатель не найдет ни одного серьезного труда по истории Русской Церкви Синодального периода (не считать же за него «Исторический путь православия» отца Александра Шменана, субъективность которого не очевидна только тем, кто совсем далек от темы).

На основании каких источников делает Ю. Довейко свои выводы об исихазме? На основании работ С. С. Хоружего? Вот еще автор, которого можно упрекнуть в чем угодно, только не в желании умерить богословской корректностью философский полет своей мысли.

В контексте названных имен, вероятно, у читателя уже не вызовет удивления, что главным репрезентантом «правильного» православного мироощущения в книге Ю. Довейко выступает... Н. А. Бердяев. Комментарии, кажется, здесь излишни, но вероятны и не излишни новые вопросы: ведь Ю. Довейко обещал нам *академическое* исследование, почему же так многое остается недоказанным? Почему с первых страниц работы учение святителя укладывается в прокрустово ложе «платонического спиритуализма»? Почему за пределами работы остается вопрос о соотношении наследия святителя не с мнением Бердяева (для этого не надо писать исследование — несходство их мироощущения очевидно), а с той многовековой традицией, в русле которой святитель творил и жил? Почему не принимаются автором в расчет тексты святителя, говорящие, например, о способности тела участвовать в жизни духа? Почему столь *субъективные* авторы выбраны для того, чтобы делать *объективные* выводы? И т. д., и т. д.

Чтобы не мучить читателя поисками ответа на эти вопросы, откроем простой секрет. Автор — не только доктор богословия, но и помощник пастора (проповедник) баптистской общины города Тукумса, что расположен к северу от Риги³. Согласитесь, что теперь все вопросы получили свои ответы: перед нами пример не *академического*, а *конфессионального* труда. Что же, таковой также вполне имеет право на существование и даже в свою очередь сам может стать предметом для небезлюбопытного *академического исследования*.

³ LBDS INFO. Informācija par Latvijas Baptistu draudžu savienību, Amerikas Latviešu Baptistu apvienību, Brazīlijas Latviešu Baptistu apvienību, draudzēm un mācītājiem. 13. Lpp. // <http://www2.lbds.lv/pdf/LBDS-INFO-A5.pdf>.